

СОЦИОЛОГИЯ СПОРТА

КОНСТРУИРОВАНИЕ ДЕТСТВА ЧЕРЕЗ СПОРТ: ОБРАЗ РЕБЕНКА-СПОРТСМЕНА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКЕ

Екатерина Борисовна Потапова¹ (katepotapova@gmail.com),
Виталий Александрович Горохов² (gorokhov-va@ranepa.ru)

¹ Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

² Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Потапова Е.Б., Горохов В.А. (2026) Конструирование детства через спорт: образ ребёнка-спортсмена в художественной гимнастике. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 29(1): 177–208.

<https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.7> EDN: BHMMEB

Аннотация. Рассматривается, как переопределяется социальная конструкция детства в контексте раннего профессионального спорта на примере художественной гимнастики в современной России. Используя теоретическую рамку социального конструктивизма, авторы анализируют процесс трансформации детства из безопасного пространства для игры и свободного досуга в целенаправленную трудовую деятельность, ориентированную на высокий спортивный результат. Эмпирическую базу исследования составляют полуструктурированные интервью с тренерами и родителями девочек 6–12 лет, чья жизнь тесно интегрирована в интенсивный тренировочный процесс. Анализ интервью показывает, что повседневные практики в художественной гимнастике — сверхранняя специализация, многолетний «рабочий день», рутинизация и подчинение — соответствуют ключевым критериям детского труда, что позволяет рассматривать спорт как его социально одобряемую форму. В исследовании раскрывается конфигурация «игр власти» между взрослыми акторами: родители выступают в роли инициаторов и инвесторов, рассматривая спортивную карьеру ребенка как «бизнес-проект» и средство накопления символического капитала, в то время как тренеры задают жесткий дисциплинарный режим и трудовую этику, основанную на преодолении. Результатом коллективных усилий становится конструирование особого образа «ребенка-спортсмена» — дисциплинированного, «взрослого» труженика, чья «однородная» идентичность оказывается привязанной исключительно к спортивному результату. Такой образ наделяет ребенка привилегированным статусом по сравнению со сверстниками, не занимающимися спортом, и легитимирует отказ от атрибутов «естественного» детства. Статья вносит вклад в социологию детства и спорта, демонстрируя, как институциональная среда спорта производит альтер-

нативный режим детства, вступающий в противоречие с гуманистическими представлениями о детской свободе и спонтанности.

Ключевые слова: социальная конструкция, детство, художественная гимнастика, детский спорт, детский труд, социальный конструктивизм, детская агентность.

Введение

Актуальность исследования обусловлена растущей ролью спорта как важной сферы детства, с одной стороны, и стремительным омолаживанием профессионального спорта — с другой. Показательный пример: суперзвезда мирового футбола — испанский подросток Ламин Ямаль, ставший на Евро-2024 в Германии самым молодым игроком и самым молодым автором голевой передачи в истории турнира, был вынужденно заменен на 71-й минуте в матче с национальной командой Италии. Причина замены — ограничения, связанные с защитой трудовых прав детей. По немецкому законодательству, несовершеннолетние не могут работать после 20:00, за исключением спортсменов, которым разрешено работать только до 23:00. Так, с наступлением времени ограничений Ямаль был заменен.

Конвенция по защите прав детей, принятая в 1989 г., заложила институциональные основы для ограничения негативных последствий детского труда, но, как отмечается многочисленными исследователями, в практике детского спорта остается очень много проблем, связанных с реализацией политики по защите прав детей-спортсменов (Dowling 2024: 2). Спорт, являясь одним из самых популярных видов досуговой и игровой деятельности для детей, нацеленной на получение удовольствия и социализацию, в то же самое время нормализует детский труд через раннюю специализацию, интенсивные тренировки, маргинализацию травм и почти тотальную власть взрослых (родителей, тренеров, руководителей) над детьми.

Проблема исследования: детский спорт как безусловное благо?

В массовом общественном сознании спорт конструируется как безусловное благо и сфера ответственности взрослых, что маргинализирует его негативные аспекты и ограничивает значимость мнения ребенка. В научном дискурсе, однако, констатируется недостаток знаний о реальном влиянии спорта на здоровье детей, а также о рисках, связанных с его чрезмерной идеализацией.

Квинтэссенция дискуссии о положительном влиянии занятий спортом на возможные жизненные траектории детей в социологии спорта нашла свое отражение в концепте «великого спортивного мифа» — критически

не осмысливаемого убеждения о том, что спорт улучшает здоровье, закаляет характер и ведет к благосостоянию (Coakley 2015). Подобное понимание спорта очень распространено среди обывателей, в том числе в современных развитых обществах (Davis 2024). Мифологизация спорта базируется на транслируемых в публичном пространстве историях успеха спортсменов, ставших богатыми, уважаемыми и знаменитыми. Такая трансляция является важной частью «цикла благодетели» спорта, в котором истории профессионального успеха — важная часть рекрутирования детей в занятия спортом (Grix 2012). При этом количество случаев, когда занятия спорта привели к негативному результату, в том числе травмам, выгоранию, фрустрации, маргинализации и депрессии, значительно превышает количество историй успеха, но о них в публичном пространстве практически не говорят. Более того, неочевидна связь между успехом в спорте и успехом по жизни (Coakley 2015), однако вследствие трансляции исключительно успешных историй создается искаженное впечатление, что дети-спортсмены лучше адаптируются ко взрослой жизни. В то же время успешная адаптация ребенка ко взрослой жизни определяется множеством факторов, а не только занятиями спортом.

Ситуация с художественной гимнастикой в современной России укладывается в общую тенденцию. Успешные траектории гимнасток-чемпионок (самый яркий пример — легенда отечественной гимнастики Алина Кабаева) известны широкой аудитории, но критическое обсуждение того, насколько именно опыт занятия спортом и спортивный успех приводят к успеху бывших детей-спортсменов «вне» и «после» спорта, практически отсутствует. Авторам настоящей работы не удалось найти исследований, которые подтверждали положительную связь между спортивной карьерой детей и их успехами во «взрослой» жизни или рассматривали опыт занятий спортом как детерминирующий фактор успеха во взрослой жизни.

В рамках социологии детства утверждается, что дети являются активными конструкторами социальных значений, а не пассивными объектами социализации, что требует изучения детской культуры как автономной, а не через призму взрослых идеологий и концепций «будущей взрослости». При этом доминирующие представления о спорте, как показывают исследования, часто формируются взрослыми, в том числе родителями, которые подчиняют интересы детей логике спортивных ассоциаций и «технологиям доминирования», а права ребенка оказываются неразрывно связанными с правом взрослых (родителей, тренеров, сотрудников спортивных организаций) регулировать их спортивную жизнь (Dowling 2024: 10). Ключевым фактором получения удовольствия детьми от заня-

тий спортом становится мотивационный климат, ориентированный на старание, личное развитие и овладение мастерством. Такой климат способствует формированию у юных спортсменов соответствующего типа целеполагания с фокусом на достижение спортивного результата, который сохраняет свою значимость даже в условиях высокой конкурентной борьбы (Jaakkola 2016: 112). Приоритет установки на результат приводит к подмене детских интересов взрослыми амбициями, такими как гипертрофированное стремление к победе и готовность к чрезвычайным физическим нагрузкам. Как следствие, дети-спортсмены подвергаются быстрому выгоранию и страдают от дефицита возможностей для нормального социального развития, что нередко приводит к разочарованию от занятий спортом (Brady 2004: 36). Одна из важных причин выгорания — формирование «одномерной» самооценки у детей-спортсменов как результат ограниченного жизненного опыта. Дети, чье развитие и социализация в основном происходят в спортивном зале на занятиях одним видом спорта, имеют весьма ограниченный жизненный опыт, самоидентифицируют себя и идентифицируются другими строго в рамках их особой «спортивной» роли (Coakley 1992: 276).

Приоритет спортивного результата приводит и к проблеме насилия. Ключевым фактором, воспроизводящим насилие, является доминирующая в спорте культура, ориентированная на результат, которая часто оправдывает его как необходимое условие успеха. Ситуацию усугубляет неспособность детей распознавать многие формы насилия (например, сверхнагрузки, наказание дополнительной физической нагрузкой) и нежелание всех участников спортивного процесса сообщать о подобных инцидентах. При авторитарном стиле управления ребенок полностью подчинен команде и тренеру, у него нет права на проявление мыслей и чувств до достижения результата (Осминкин 2025: 104), что ставит во главу угла результат, а не чувства ребенка. Таким образом, преодоление насилия в детском спорте требует не только нормативных запретов, но и системного изменения спортивной культуры, смещающего акцент с результативности на благополучие самого ребенка (Aine et al. 2022: 102). Значимая роль в подобной трансформации отводится родителям, формирующим основу для оптимизации их собственной роли в организованной спортивной деятельности своих детей (Dorsch 2015: 5). Переход от восприятия ребенка в качестве объекта к его рассмотрению как активного субъекта имеет также политический аспект, апеллирующий к правам ребенка, которые, несмотря на публичное обсуждение проблемы, во многих случаях признаются эфемерными (Подвойский 2014: 45).

Таким образом, проблема исследования основана на следующем противоречии. С одной стороны, для реализации позитивного потенциала спорта необходимо целенаправленно формировать среду, отвечающую психологическим потребностям детей, а не целям взрослых. С другой стороны, установка на достижение спортивного результата требует смещения фокуса с удовольствия и гармоничного развития ребенка от занятий на изнуряющий труд и принятие рисков и издержек от сверхнагрузок.

Основной исследовательский вопрос: каким образом и почему происходит конструирование образа спортсмена во время занятия детей спортом? Исследование также ставит вопрос о том, как образ ребенка-спортсмена соотносится с современным конвенциональным пониманием детства как периода свободы и выбора.

Детство и труд в исследовательской литературе

Детство в социальных науках и педагогической практике рассматривается как особый период жизни, когда человеку должна быть обеспечена возможность свободной игры и беззаботных удовольствий, а о ребенке нужно заботиться, огораживая его от взрослого мира и взрослого труда (Kehily 2009: 5). Тема утраченного или украденного детства остается частью современных дискурсов (Асмолов 2012: 1–2; Haring 2019: 3), а вопросы агентности и несправности продолжают занимать важное место в современных исследованиях детства (Esser et al. 2016: 14; Бесчасная 2025). При этом отмечается сильная взаимосвязь занятий детей спортом и уровнем агентности (Гошин 2024).

Детский труд нередко становится предметом исследовательского интереса в экономике, где этот феномен рассматривается с точки зрения производительности и эффективности, влияния на доходы населения и экономическое развитие страны (см., например: Грогаерт 1995; Анкер 2000). В социологии труда данная тема представлена также достаточно широко, однако самые острые дискуссии лежат в плоскости операционализации понятия детского труда. Так, конвенция ООН о правах ребенка декларирует, что детей необходимо защищать от таких форм труда, как «работа, которая лишает детей детства, потенциала и достоинства, нанося вред физическому и психическому развитию. К нему относится труд, препятствующий получению образования, являющийся опасным, эксплуататорским или не соответствующим возрасту» (Конвенция о правах ребенка 1989).

Важным этапом в изучении детского труда является комплексное исследование определения этого феномена под эгидой Международной организации труда (МОТ), вышедшее в 2009 г. (Defining child labour 2009).

В нем уделяется особенное внимание понятию «вред» и осмыслению самого факта трудовой деятельности ребенка. На основе анализа массива научных теоретических и эмпирических публикаций о детском труде автор исследования приходит к выводу, что любая работа является вредной в том смысле, что она связана с альтернативными издержками (ребенок работает, а не учится, не играет и не занимается другими полезными вещами). Автор доклада замечает также, что трудовая деятельность является вредной лишь в том случае, если совокупные потери будущего благосостояния ребенка превышают получаемые выгоды. Очевидный недостаток такой формулировки в том, что мы не можем адекватно оценить потенциальное будущее благосостояния ребенка. Более того, существующие исследования детского труда дают веские теоретические и эмпирические основания характеризовать широкий спектр видов деятельности, включая как рыночный (происходящий вне дома), так и домашний труд, поскольку все формы работы предполагают компромиссы, имеющие последствия для благосостояния.

Несмотря на хорошую теоретическую изученность, практически, по-видимому, невозможно определить детский труд столь широко, чтобы он охватывал все виды детской деятельности, включая повседневные домашние обязанности, распространенные по всему миру, столь точно, чтобы мы могли отделить помощь по хозяйству или полезную трудовую вовлеченность вне дома от вредных форм труда. Подразумеваемый в политических и законодательских дискуссиях «вред» заключается в том, что работающий ребенок — это ребенок, которому было бы лучше не работать. Однако такое определение требует знания альтернативного сценария: чем занимался бы ребенок при отсутствии работы, — а имеющиеся данные не позволяют делать по этому поводу обоснованные обобщения (*Defining child labour 2009*: 13).

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство академических статей, посвященных детскому труду в современных условиях, охватывают экономические и юридические аспекты работы несовершеннолетних в странах с низким и средним уровнем дохода, написанные на английском языке и опубликованные в рецензируемых академических журналах. В рамках данного исследования, однако, трудовая деятельность детей не сопряжена с тяжелым социальным и экономическим положением конкретных домохозяйств, происходит в условиях достаточно развитой макроэкономической картины. Иными словами, дети из данного исследования не вынуждены работать, чтобы помогать близким, а, напротив, растут в относительно ресурсных семьях в больших городах с хорошо развитой инфраструктурой.

В контексте исследования принципиально важно определить, может ли спортивная деятельность детей рассматриваться как форма труда. С юридической точки зрения ответ на этот вопрос следует искать в трудовом законодательстве, регулирующем занятость несовершеннолетних. Трудовой кодекс Российской Федерации содержит специальные нормы, регулирующие труд спортсменов в возрасте до 18 лет (ст. 348.8 ТК РФ), что формально позволяет рассматривать спортивную деятельность как особый вид трудовой занятости.

Статья 348.8 закрепляет особый режим труда несовершеннолетних спортсменов. Продолжительность ежедневной работы может устанавливаться локальными актами при соблюдении установленной законом недельной нормы рабочего времени. Привлечение к командировкам, сверхурочной, ночной работе, а также к работе в выходные и праздничные дни возможно только в случаях, предусмотренных законодательством. Во время спортивных мероприятий допускается превышение нормативов физических нагрузок, если это предусмотрено планом подготовки и не противопоказано по состоянию здоровья. Заключение трудового договора со спортсменами младше 14 лет возможно лишь с согласия родителя (или законного представителя) и органа опеки и попечительства, который определяет максимально допустимую продолжительность работы и иные условия, исключающие вред здоровью и нравственному развитию ребенка.

С позиций социологии труда и детства данные нормы позволяют интерпретировать детский спорт как институционализированную форму регулируемого детского труда. Закон фиксирует допустимые пределы физической нагрузки, продолжительности занятости и условий участия в соревнованиях, тем самым признавая спортивную деятельность несовершеннолетних как трудовую практику, требующую правовой защиты и контроля. Одновременно спортивная деятельность отличается от классических форм занятости: она направлена не на производство экономической стоимости, а на достижение спортивных результатов и символического капитала, своего рода дисциплинарную практику, направленную на формирование тела и личности.

Ключевая проблема исследований напрямую связана с определением зоны ответственности родителей, работодателей и государства в вопросе регулирования детского труда. Ученые-позитивисты говорят об универсальности прав ребенка (в том числе на труд), последователи критической социальной теории отмечают, что права ребенка вписаны в сложный культурный, геополитический и социально-экономический контекст. Консервативный взгляд постулирует зависимость детей от решений взрос-

лых, утверждая, что права идут только в комплекте с обязанностями, а значит, являются признаками взрослости (Wyness 2018: 75). К консервативной позиции относится формула «родители лучше знают, что нужно их детям». Чрезвычайная включенность родителей в спортивную карьеру ребенка приводит к тому, что родители начинают буквально «жить» успехами ребенка, формируя так называемую ловушку обратной зависимости, когда самооценка родителей зависит от успехов детей, порой весьма раннего возраста (Smoll 2001). Ранние исследователи этого феномена ввели понятия «исчезновение» (Postman 1982), или «эрозия» (Suransky 1982), детства. Последователи либеральной позиции утверждают, что возраст — это конструкт и средство дискриминации, а дети наряду с другими угнетенными группами получили агентность в 1970-х годах благодаря социальным последствиям движения за гражданские права (Wyness 2018: 66). Есть и сторонники срединной позиции, представляющие более умеренные взгляды (Abebe 2019: 4). Признавая агентность детей и их способность принимать решения, они концептуализируют агентность прежде всего как процесс, ограниченный культурными рамками (Dowling 2024: 12). Таким образом, вопрос, кто делает из ребенка сотрудника (трудящегося), является дискуссионным. Однако детский труд явно или имплицитно противопоставляется «естественному» детству, не предполагающему трудовой деятельности.

В рамках настоящего исследования спорт рассматривается как трудовая деятельность, и дается ответ на вопрос, каким образом осуществляется переход от «естественного» детства к детскому труду. При сопоставлении детского труда и занятий детским спортом мы будем ориентироваться на признаки труда у детей-спортсменов, выделенные Питером Доннели. К ним исследователь отнес сверхъюный возраст начала трудовой деятельности; продолжительный рабочий день; наличие психологического, физического и социального стресса; низкую оплату труда; рутинизацию — повторяющиеся технические задания, ограничивающие социальное и физическое развитие ребенка; а также слишком большую ответственность и осуществление деятельности в условиях страха и унижения (Donnelly 1997).

Социальный конструктивизм как теоретическая рамка

Теоретической рамкой исследования выступает социальный конструктивизм. Выбор теоретических рамок исследования обусловлен предположением авторов, что именно в результате группового взаимодействия между основными акторами, вовлеченными в детский спорт — родителями, тренерами и детьми, формируется конвенциональное отношение

к спорту как к труду, где нормы и ожидания взрослых задают новые модели детского поведения и самоидентификации. Занятия спортом в этой связи рассматриваются как социально-обусловленный процесс, в котором самоидентификация ребенка конструируется через призму спортивного результата и ответственности за него.

В традиции социального конструктивизма, восходящей к работам Льва Выготского (Vygotsky 1978) и Джерома Брунера (Bruner 1974), утверждается, что социокультурная среда играет ключевую роль в познании, которое является не индивидуальным, а социальным процессом (Light 2007: 370). Социальный конструктивизм раскрывает процесс обучения как активное конструирование смысла через социальное взаимодействие, где когнитивное развитие происходит в «зоне ближайшего развития» при поддержке преподавателя-фасилитатора (Amineh 2015: 15). Обучение в рамках социального конструктивизма — это прежде всего «сообщество учащихся», где чувство общности и социальное взаимодействие становятся ключевыми факторами социализации и развития (Azzarito 2003: 181). Когнитивное развитие ребенка происходит в процессе координации действий со сверстниками, оценка со стороны которых создает дополнительное давление (Коекоек 2013: 246), что позволяет преодолевать эгоцентризм (децентрацию) и формировать новые когнитивные структуры (Damis-Paraboschi 2005: 171). Реальность в рамках социального конструктивизма является результатом непрерывного процесса коллективного согласования смыслов через социальное взаимодействие, где границы между индивидуальным и социальным оказываются размытыми (Квита 2017: 219). В случае занятий спортом формирование когнитивных структур можно представить как результат взаимодействия ребенка-спортсмена со структурой среды (нормы, правила, ожидания тренера), а четкость и последовательность этой структуры и накопленные через опыт адаптивные навыки определяют траекторию спортивной карьеры (Flaherty 2021: 10). Синтез социально-конструктивистских теорий обучения с элементами социологической теории рассматривается как перспектива для исследования обучения в спорте и физическом воспитании (Light 2011: 380).

В отечественных исследованиях применение социального конструктивизма нельзя отнести к мейнстримной методологии. В то же время считается, что эпистемология конструктивизма выполняет критическую и рефлексивную функцию в социальных науках, способствуя среди прочего преодолению наивного реализма, утверждению ценностей демократизации, уважения к культурному разнообразию и свободы самоопределения (Улановский 2009: 44–45). Социальный конструктивизм сохраняет

эвристическую ценность для философии и социологии науки в том числе как инструмент анализа влияния социальных факторов на научное сообщество (Кабанов 2021: 8). Социальный конструктивизм применяется и в дидактике, где подчеркивается роль педагога для развития у обучающихся метакогнитивных навыков (Петрова 2017: 4). Подход относят к одной из основных теоретических основ педагогического образования в спорте, рассматривающего формирование знаний как результат социального взаимодействия и совместного смысловторчества тренера и спортсмена (Хаитов 2024: 890).

Художественная гимнастика как исследовательский кейс

Художественная гимнастика как самостоятельная дисциплина сформировалась в Ленинграде в 1920–1930-е годы на базе студий и авангардных школ движения. В 1932 г. она была признана академической дисциплиной с открытием доцентуры художественного движения в Институте физкультуры им. П.Ф. Лесгафта, позднее преобразованной в кафедру гимнастики. Эта кафедра стала ведущим центром методической и научной работы, определяя международные стандарты в дисциплине. Интерес к новому «женственному» виду спорта быстро вышел за пределы Советского Союза и стран восточного блока: первые официальные международные соревнования по художественной гимнастике прошли в 1963 г. в Будапеште (Виннер 2017). Решающим для художественной гимнастики стал 1980 год: после московской Олимпиады этот вид спорта был включен в олимпийскую программу решением МОК.

Согласно данным Всероссийской федерации художественной гимнастики, сегодня художественная гимнастика развивается в большинстве регионов Российской Федерации, особенно активно в Центральном, Южном, Приволжском и Северо-Западном федеральных округах. Общее число занимающихся превышает 84 000 спортсменок, что делает художественную гимнастику самым массовым женским видом спорта в стране. В возрастной категории до пяти лет зарегистрировано 5,7 тыс. занимающихся, больше, чем в любом другом виде спорта.

По числу спортсменов, удостоенных звания мастера спорта, художественная гимнастика также занимает первое место — 7812 человек. Это более чем на 2000 человек больше, чем в спортивной борьбе, и на 3000 — чем в самбо (двух следующих дисциплин в списке видов по количеству мастеров спорта). По этим показателям художественная гимнастика опережает не только другие популярные «женственные» виды спорта (например, фигурное катание), но и универсальные дисциплины, такие как плавание (Художественная гимнастика в цифрах).

Количество детей, вовлеченных в художественную гимнастку, говорит о том, что в современной России значительная часть семей, в которых растут девочки, в какой-то мере сталкивается с данным видом спорта, поэтому отдельное исследование художественной гимнастики через оптику социологии детства и детской агентности кажется особенно актуальным.

Степень изученности художественной гимнастики, однако, не в полной мере отражает ее очевидную популярность среди российских семей: в центре внимания российских и международных исследователей — выявление физиологических и антропометрических предикторов успешности в данном виде. Исследуются антропометрические характеристики, аэробная мощность, гибкость и взрывная сила, психологические факторы успешности на выступлениях. Результаты подобных исследований могут иметь практическое значение для планирования тренировочного процесса и отбора талантливых спортсменок в художественной гимнастике. Также сугубо прикладной характер носят исследования судейства и специфики присвоения квалификационных разрядов (см., например: Douda 2008, Miletić 2004, Kioumourtzoglou 1997). Интерес для данной статьи представляют эмпирические исследования, изучающие воздействие интенсивных и длительных тренировок в раннем возрасте на рост, физическое развитие и половое созревание девочек. Как показывают исследования, интенсивные тренировки в художественной гимнастике приводят к задержке скелетного и полового созревания у элитных спортсменок, однако не оказывают негативного влияния на их окончательный рост во взрослом возрасте (Georgopoulos 1999).

Относительно небольшой пласт работ исследует социальные, политические и гендерные аспекты художественной гимнастики. В рамках данного исследования релевантными кажутся статьи о профессиональных и личных траекториях бывших элитных гимнасток. Так, в итальянской статье 2017 г. авторы выделяют три основных нарратива: «запутанный» нарратив описывает человека с моноидентичной спортивной идентичностью. После ухода из гимнастики такие спортсменки испытывают трудности с адаптацией, ухудшение психологического состояния и желание вернуться к прежней спортивной роли. «Нарратив движения вперед» характеризует бывших гимнасток, которые смогли развить множественные идентичности в период своей спортивной карьеры и успешно реализуют себя в жизни после завершения спорта. Третий «нарратив осмысления» является формирующимся нарративом, который выходит за рамки двух предыдущих (Cavallerio 2017).

Выбор художественной гимнастики в качестве исследовательского кейса обусловлен тем, что в данном виде спорта наблюдается экстремально

ранняя специализация, что делает возможным выход на пик карьеры в возрасте, который в других сферах жизни (и даже во многих видах спорта) считается исключительно детским. При этом программы подготовки юных гимнасток предполагают изнурительные и интенсивные тренировки, что на фоне незавершенного физиологического развития ребенка повышает вероятность получения серьезных травм и завершения карьеры в детском возрасте. Выбранный вид спорта позволяет изучить систему взаимоотношений ребенка и взрослых, где ребенок одновременно выступает и объектом для инвестиций, и субъектом больших нагрузок.

Дизайн эмпирической части исследования

Исследование опирается на полуструктурированные интервью с двумя ключевыми акторами детского спорта: тренерами, непосредственно организующими тренировочный процесс, и родителями, чья повседневная жизнь тесно встроена в спортивный режим ребенка. Такой дизайн позволяет совместить «взгляд изнутри» профессионального поля (тренеры, многие из которых сами прошли путь спортсмена) и «домашний» взгляд родителей, принимающих ключевые решения о вовлечении детей в спорт и поддерживающих тренировки организационно и эмоционально. Блоки вопросов в интервью отражали теоретические подходы к детскому труду, правам ребенка, детской агентности и спортивной идентичности.

Гайд интервью включал блоки вопросов о собственном спортивном пути (для тренеров и родителей — бывших спортсменок); мотивах вовлечения детей в художественную гимнастику; представлениях о «ребенке-спортсмене» и отличиях от «обычных» детей; режиме тренировок, совмещении спорта и школы; распределении ответственности между тренерами, родителями, ребенком и спортивными администрациями; допустимых и недопустимых педагогических практиках (строгость, наказания, крики, унижение); понимании «результата» и допустимых жертв ради него; планах спортивного будущего и представлениях о «выходе» из спорта.

Отбор респондентов осуществлялся с помощью целенаправленной критериальной выборки, что обусловлено спецификой исследовательского вопроса. Часть респондентов была привлечена по методу «снежного кома», что вызвано закрытым характером тренерских и родительских сообществ, а также сенситивным характером отдельных аспектов темы исследования, связанных, например, с целенаправленным применением насилия в отношении ребенка.

Общий критерий отбора респондентов — аффилиация ребенка с ведущей спортивной организацией, для которой достижение спортивного

результата является важным показателем профессионального успеха и ключевой составляющей собственного позиционирования на рынке. Это неизбежно означает большое количество регулярных тренировок, наличие подготовительных сборов и участие в соревнованиях. Подобная экосистема требует от ребенка высокой степени вовлеченности, отражая тем самым отношение к детскому спорту как к серьезной, каждодневной деятельности, требующей значительных временных, организационных и физических ресурсов. При этом тип собственности и структурное устройство организации значения не имели. Интервью были проведены осенью 2025 г.

Критерием отбора тренеров являлся продолжительный опыт работы с детьми в возрасте от трех до 14 лет в ведущей спортивной организации, расположенной в Москве (либо в районах Московской области, непосредственно граничащих с Москвой и известных своими центрами подготовки гимнасток) и Санкт-Петербурге. Следует отметить, что Москва и Санкт-Петербург являются главными кадровыми донорами высококвалифицированных гимнасток для российского спорта (Художественная гимнастика в цифрах). Наличие высокого спортивного результата во время собственной спортивной карьеры не было критерием отбора респондентов. Однако практически все тренеры достигали высокого спортивного результата, в том числе имели опыт выступления на крупнейших профессиональных спортивных форумах (чемпионатах мира и Европы), что повышает гомогенность выборки.

Критериями отбора родителей стала их высокая вовлеченность в занятия ребенка, которая проявлялась в инвестировании значительных временных и финансовых ресурсов. Под временными ресурсами в первую очередь понимается время, затрачиваемое на регулярное сопровождение ребенка на тренировки, сборы и соревнования (в том числе международные), участие в подборе костюмов (купальников) для тренировок и выступлений, а также привлечение сопутствующих специалистов (массажистов, портных, врачей и т.д.). Под финансовыми ресурсами мы понимаем затраты, обеспечивающие занятия ребенка, в том числе оплата обучения, сборов, соревновательных взносов, найм сопутствующих специалистов, а также издержки, связанные с сопровождением ребенка на выездных сборах и соревнованиях. Высокая вовлеченность родителей-респондентов определяет их видение спорта как «правильной» формы занятости ребенка, дисциплинирующую и защищающую от «праздного» или «опасного» (например, «влияние улицы») досуга.

Высокий доход домохозяйств также не являлся критерием отбора респондентов. Однако во многом благодаря методу «снежного кома»

выборка оказалась гомогенной с точки зрения социально-экономического статуса респондентов-родителей. Их всех можно отнести к высокодоходным категориям населения Москвы, способным вкладывать значительные временные и финансовые ресурсы в занятия спортом без снижения качества и уровня жизни. Подобная гомогенность выборки, с одной стороны, позволяет обосновать ее насыщенный характер при малом объеме, с другой стороны, накладывает ограничения на экстраполирование выводов исследования, так как высокообеспеченные семьи наших респондентов имеют несоразмерно больший доступ как к социальному, так и к экономическому капиталу.

Всего в исследовании приняли участие восемь тренеров и семь родителей. Выбранное количество респондентов обеспечило достижение информационной насыщенности, когда новые интервью перестали приносить ранее не выявленные смыслы или категории. Таким образом, объем выборки был определен критерием теоретической достаточности, а не статистической репрезентативности. Глубина интервью и согласованность ключевых мотивов в высказываниях тренеров и родителей позволяют использовать этот материал как эмпирическую базу для анализа того, как в современной России в художественной гимнастике конструируется фигура ребенка-спортсмена и каким образом спорт одновременно нормализует элемент детского труда и легитимизируется как желательная форма детства.

Анализ интервью проводился на основе индуктивного тематического анализа и теоретически информированного кодирования. Кодлируемые смысловые единицы, во-первых, отражали способы говорения о спорте как «труде» и «работе», характеристиках спорта как «труда» и «работы» (количество, продолжительность и интенсивность тренировок), представление о ребенке-спортсмене («дисциплинированный», «особенный», «необычный», «взрослый»). Во-вторых, апеллировали к роли тренеров и родителей в мотивировании ребенка (понимание «результата» и «успеха»), их отношении к строгим и насильственным практикам и реакции на усталость ребенка, слезы и потерю мотивации. Отдельно выделены смыслы, отражающие формирование «одномерной» спортивной идентичности («живем залом», «другой жизни нет») и/или признаки выгорания.

Кодлируемые смысловые единицы были распределены по тематическим блокам. Один из блоков раскрывал суть спорта как детского труда через экстремально юный возраст начала занятий, длинный «рабочий» день, отсутствие оплаты труда, издержки для ребенка и родителей, в том числе связанные с обучением в общеобразовательной школе («двойная нагрузка», спецклассы, пропуски уроков, школьная «терпимость» к спортсменам).

Другой блок отражал «игры власти» — роль тренеров и родителей в воспитании ребенка-спортсмена, обеспечении дисциплины, определении степени строгости и границ допустимого давления на ребенка и представлений о будущем (спортивный результат, тренерская карьера). Третий блок был связан с противопоставлением детства и занятий спортом, куда вошли смыслы, отражающие детскость и ее «эрозию» спортом, в том числе за счет выгорания и формирования «однобокой» безальтернативной спортивной идентичности (отсутствие места для «игры» и праздности). Выделенные тематические блоки сопоставлялись с теоретическими концептами — критериями детского труда по Питеру Доннели, концепцией «одномерной идентичности» Джея Коаклея, детской агентности (Татек Абебе, Фиона Доулинг) для более строго противопоставления гуманистической модели детства и детского труда и для поиска расхождений и совпадений между сказанным тренерами и родителями.

Сопоставление смыслов, транслируемых тренерами и родителями, позволяет рассматривать ребенка-спортсмена как «совместный продукт» разных акторов, осуществляющих деятельность в общем поле спорта, но транслирующих разные смыслы.

Ограничения выбранного дизайна исследования связаны прежде всего с типом выборки, гендерной однобокостью (все респонденты — женщины, юные спортсменки — девочки) и фокусом на художественной гимнастике как одном из самых ранне-специализирующихся и требовательных видов спорта, что делает любые обобщения на «детский спорт в целом» ограниченными.

Анализ интервью: «Спорт — это только труд»

Респонденты последовательно называют гимнастику «работой», «труднейшим видом спорта», по сути, отождествляя спорт и труд:

Спорт — это только труд (тренер, частный спортивный клуб).

Сейчас гимнастика — это скорее всего труд... когда ты уже ходишь до определенного возраста, ты уже понимаешь, что ходишь не три раза в неделю, а шесть раз, тренируешься по три-четыре часа, то и больше... это муторная такая работа... не каждый выдержит (тренер, государственная спортивная школа).

Респонденты подтверждают практически все обозначенные Доннели характеристики детского спорта как труда. Так, возраст входа в спорт сверхранний и нередко составляет 3–5 лет: «Сейчас рано в гимнастику приводят — с трех лет» (тренер, частный коммерческий центр).

Практики тренировочного процесса вполне соответствуют длинному рабочему дню: тренеры и родители сходятся в том, что уже к девяти годам стандартом становится 4–5 часов тренировок в день 5–6 раз в неделю, после полноценного школьного дня.

Стандартное — это 4,5 часа в день... С 4 до полдевятого они потренировались... по сути, у них только один выходной — воскресенье (тренер, государственная спортивная школа).

...6 раз в неделю по 4–5 часов, это 30 часов. Конечно, это высокая нагрузка. Но мы про профессиональный спорт говорим... Многие занимаются по 8 часов в день этом возрасте (родитель 6).

На вопрос интервьюера, почему они не тренируются по 8 часов, следует короткий ответ: «...потому что в школу ходим, для этого надо быть на домашнем обучении» (родитель 2).

Респонденты отмечают, что школа для ребенка-спортсмена часто перестает быть основным пространством социализации, общения и детского досуга. Роль школы редуцируется до функционального института, обеспечивающего формальное образование, тогда как основные социальные связи переносятся в спортивный зал:

В школе отучился — тренировка. Все в столовую идут, а ты бежишь, бросил портфель, взял сумку — и побежал (тренер, государственная спортивная школа).

...у них лучшие подружки не в школе, а лучшие подружки на гимнастике (тренер, частный спортивный клуб).

И тренеры, и родители хорошо осознают жертвенный характер такого режима. Одна из тренеров прямо перечисляет цену такого графика:

...ты не можешь во время тренировки сделать день рождения ребенку. Какие-то экскурсии с классом тоже. Это всё уходит на второй план. Кружки какие-то тоже, если уже профессиональным говорить. А потому что художественная гимнастика достаточно такой сложный вид спорта, очень сложный, требует очень большого времени для тренировок (тренер, государственная спортивная школа).

Родители подтверждают, что у ребенка-спортсмена «нет времени на ерунду»: «Когда мои одноклассники гуляли, с бутылочками пили, курили, у меня просто на это не было времени... Я была абсолютно сосредоточена и жила в режиме» (родитель 1, о собственном опыте). В отношении детей звучит аналогичная формулировка: «Это видно... у них не было времени на ерунду» (родитель 2).

Финансовая нагрузка в значительной степени ложится на семью, а сами дети не получают прямой экономической компенсации своего труда.

В терминах Доннели родители оказываются одновременно и первоначальными «кадровыми агентами», и постоянными «сопроизводителями» этого труда: они выбирают вид спорта, обеспечивают инфраструктуру, вкладывают деньги и время, а заодно разделяют с ребенком риски и ответственность:

...в 3 года мы начали заниматься, сейчас вот 9 лет. Место занимает очень много... это тренировки каждый день. Без воскресенья, то есть шесть раз в неделю, по 4–5 часов. Соответственно, это и время, и энергия, и финансы, и энергия не только ребенка, но и родителей, потому что это всё нужно обслуживать, там увозить-привозить, соревнования, сборы — целая жизнь (родитель 2).

Рабочий день ребенка здесь сразу подчиняет режим всей семьи: спортивная карьера ребенка реорганизует семейное время, каникулы, отпуска и повседневный быт. Спорт, таким образом, оказывается особой формой нормализованного детского труда, не противоречащей представлениям о «правильном детстве». Более того, спортивная деятельность становится важным механизмом социальной стратификации, престижного потребления и символического капитала семьи.

Анализ интервью: «игры власти» взрослых и детский спорт

Практически всегда инициаторами входа ребенка в спорт являются родители: «В большинстве случаев это родители» (тренер, частный спортивный клуб); «Родители приводят. В 4–5 лет самому захотеть — вряд ли» (тренер, государственная спортивная школа).

Как отмечают тренеры, родители приводят детей в гимнастику, ориентируясь на такие категории, как «статус» и «престиж».

Часто слышу [от родителей]: чтобы фигура была красивая, осанка, девочка-гимнастка — это престиж (тренер, частный спортивный клуб).

И я думаю, что они прежде всего именно на это клюют, что красиво, девчонки так развиваются. Опять же, это такой вид спорта, где подразумевают участие в соревнованиях, что это престижно (тренер, коммерческий клуб).

Родители действительно в основном говорят о «красоте» и «грации», но при этом фактически нормализуют 25–30 часов тренировок в неделю

и целеполагание в виде высокого спортивного результата как «минимально оправданного» результата. При этом у родителей отчетливо проявляется логика спорта как инвестиции. Многолетний труд ребенка должен конвертироваться как минимум в формализованный спортивный статус.

Минимум, который хотя бы должен быть, чтобы было не жалко потраченного времени, — это хотя бы получить какие-то разряды... хотя бы КМС или мастера спорта. Чтобы была возможность в дальнейшем применить это куда-то, иметь какой-то кусок хлеба... минимально трудоустроиться куда-то, тем же тренером (родитель 1).

В этом смысле, как метко формулирует одна из тренеров, «каждый ребёнок — это в какой-то степени, мне кажется, бизнес-проект» (тренер, государственная спортивная школа).

С этим связаны и ожидания результатов, и эмоциональная зависимость от спортивных успехов ребенка: «Они платят деньги — они хотят результат здесь и сейчас» (тренер, коммерческий клуб).

Логика спорта как инвестиции формирует особую модель вовлеченности родителей, в рамках которой они играют роли заказчиков, инвесторов, болельщиков, администраторов и контролеров. В интервью с тренерами прослеживается мысль, что подобная вовлеченность родителей объясняет их стремление определять содержание и интенсивность тренировочного процесса. При этом тренеры подчеркивают, что родители практически всегда считают интенсивность тренировок недостаточной. Родители, по словам тренеров, также пытаются и определить удовлетворительный спортивный результат, который, как правило, выше, чем имеющийся у их детей. Подобные стремления не находят поддержки у тренеров, которые категорично заявляют, что именно тренер, а не родители должен в полной мере определять все характеристики тренировочного процесса, в том числе ожидаемый спортивный результат:

Если вы не доверяете мне, забирайте вещи, забирайте документы, ищите другого тренера (тренер 2, государственная спортивная школа).

Родители вообще не могут лезть в данную сферу. Если ты привел ребенка тренироваться, то будь добр доверять тренеру (тренер, частный спортивный клуб).

Мы — бригада тренеров — это [достойный результат] определяем (тренер, государственная спортивная школа).

Профессиональная социализация самих тренеров почти всегда связана с их собственным опытом интенсивного спортивного детства, что

формирует особый нормативный взгляд на нагрузку, боль, дисциплину и усталость как «обычное дело»:

Не знаю, мне всегда казалось, что как-то обычно. Пришла на тренировку, ничего такого нет. Нагрузка как нагрузка (тренер, частный спортивный клуб).

Это люди, которые живут только своим миром. У них нет выходящих (тренер, коммерческий клуб).

Тренер в этой связи выступает не только как педагог, но и как носитель трудовой спортивной морали, в рамках которой труд, дисциплина и преодоление воспринимаются как базовые ценности детства. При этом тренеры не склонны однозначно трактовать спорт как эксплуатацию. Чаще он описывается как смешанный режим труда и коллективного досуга:

...они не могут без этого коллектива находиться. Ну и труд бесконечный, да, потому что, опять же, в этом возрасте, когда тело уже такое почти взрослое, это всё-таки не в 7 лет, когда его легко размять, там что-то болит уже, какая-то травма накладывается... (тренер, коммерческий клуб).

В интервью тренеры прямо указывают на этот опыт как на ключевой источник их нынешних представлений о «нормальности» нагрузки и дисциплинарных практик: «...как правило, дети, которые доходят до более высоких результатов... потом говорят: теперь мы понимаем, почему вы на нас кричали» (тренер, государственная спортивная школа).

Ответы респондентов воспроизводят логику срединных позиций в вопросе агентности ребенка, позволяя рассматривать ее как процесс, формирующийся в рамках культурных и институциональных ограничений. Интервью с тренерами показывают, что субъективно дети нередко воспринимаются как активные участники спортивного процесса, особенно по мере взросления: «В осознанном возрасте это уже ты сам хочешь чего-то добиться, и поэтому ты уже сюда приходишь» (тренер, частный спортивный клуб).

В то же время сама структура занятий спортом (дисциплина, подчинение, иерархия и ранняя специализация) вынуждает ребенка встраиваться в режим послушания, где выбор возможен лишь внутри уже заданных рамок. Тренеры часто описывают спортсменов младшего и среднего возраста не как полностью автономных субъектов, а как тех, кому еще необходимо «дойти головой»:

Моя задача, чтобы они сами головой работали... Может быть, мы чуть-чуть от кого-то отстаем [по спортивному результату],

но зато будет работать голова в долгосрочной перспективе (тренер, частный спортивный клуб).

Агентность ребенка оказывается отложенной: она предполагается как будущий результат правильной спортивной социализации, а не как исходная данность.

На фоне признания большой нагрузки тренеры довольно четко артикулируют, что «без усилий» результата быть не может. В ответ на вопрос о допустимости давления одна из респонденток формулирует это предельно прямолинейно:

Я была в сборной и знаю всё, и не бывает результата без повышения голоса. Потому что всё равно ребенка надо заставлять, потому что не всегда тебе хочется, настроение и так далее (тренер, частный коммерческий центр).

Другая респондентка признает, что «ежовые рукавицы» — регулярная практика: «...жестко... ни сквернословия, ни рукоприкладства, потому что мы это не используем. Но именно жесткость, повышение голоса, это у нас на постоянной основе, к сожалению» (тренер, государственная спорт школа).

Именно в этом пространстве возникает вопрос о границах допустимой строгости и насилия. Родители не отвергают жесткость как таковую, но проводят свою «красную линию». Одна из матерей, описывая конфликты между родителями и молодыми тренерами, подчеркивает:

Молодые тренеры... часто проявляют какую-то агрессию... у них еще нет материнского инстинкта... и получается, что они рассуждают с колокольни двадцатилетнего возраста... проявляют какую-то жесткость... Ну, они могут сказать «ты жирная», девочке, ну, допустим... Они не всегда могут проконтролировать свои слова. Обижаются девочки, естественно... такие моменты бывают (родитель 3).

Для данной информантки границы допустимого четко очерчены — это мат, прямые оскорбления и физическое воздействие: «...какие-то слова грубые — это уже неприемлемо... естественно, мат... “пихайки-толкайки”... откровенная грубость» (родитель 3).

Всё остальное — повышенный тон, жесткие требования, стыжение за «леность» — остается в зоне нормального инструментария тренера.

Сами тренеры описывают спектр дисциплинарных практик, в который входят выговоры, «вывод» за ковер, дополнительные нагрузки и прогоны. Тренер из частной школы говорит о наказаниях как о привычной части дисциплинарного репертуара:

Если они не соблюдают, они за это получают. То есть им всё понятно, за что и почему... Выговоры, ругаем их, дополнительные физические нагрузки... если мы видим, что она ленится, мы говорим: либо ты работаешь, либо ты выполняешь прыжки... У каждого ребёнка есть свои слабые места, и вот в эти слабые места мы стараемся их ткнуть (тренер, частный спортивный клуб).

Другой тренер подробно описывает практику наказания стоянием «на обочине ковра» и специальными упражнениями: «...если ребенок не готов работать дальше, они всю тренировку стоят на обочине ковра»:

У нас «рыбка», у нас удержание рук и ног в течение, допустим, 5 минут, это сложное задание... они его катастрофически не любят, и оно, конечно, под страхом этого задания немного исправляют... либо дополнительные прогоны (тренер, частный коммерческий центр).

Отдельные коммерческие клубы, сохраняя сопоставимый объем тренировочной нагрузки, пытаются реагировать на эмоциональные последствия такой дисциплинарной среды через введение дополнительных специалистов. Одна из респонденток рассказывает о появлении штатного психолога:

...такая необходимость, потому что сейчас много детей, которые очень сильно расстраиваются, когда у них что-то не получается. Ты пытаешься им это объяснить, но как будто человек со стороны, прорабатывая все с ними, и правда помогает (тренер, частный спортивный клуб).

Это хорошо вписывается в наблюдения Коакля о выгорании и эмоциональном истощении детей, чья самооценка строится вокруг узкой спортивной роли.

Таким образом, вокруг ребенка выстраивается конфигурация взаимных ожиданий, в которой выбор ребенка опосредуется интересами взрослых. При этом «игра власти» между тренерами и родителями не препятствует формированию единого вектора, направленного на увеличение нагрузки и интенсификацию детского труда, что способствует формированию «однобокой» спортивной идентичности в терминах Коакля.

Анализ интервью: конструируя «особого» ребенка

В ответах всех респондентов спортивная идентичность выступает как доминирующая и нормативная, не предполагающая равноправного сосуществования с другими детскими ролями — учеником, другом, участ-

ником внешкольных активностей: «Мы могли перед соревнованиями неделю-две не ходить в школу вообще и готовиться, потом приезжали и досдавали» (тренер, коммерческий клуб).

Родители прямо говорят, что семья «пляшет» под тренировочный график: «...у нас... тренировки... Это может быть и 8 утра, может быть 4 вечера... остаётся только воскресенье... И вся семья как бы на самом деле подстраивается под жизнь спортсмена» (родитель 3). Именно поэтому, как подчеркивает другая информантка, прежде чем отдавать ребенка в профессиональный спорт, «надо подумать, нужно ли это, потому что это затягивает, и если нет организационных возможностей, финансовых, то это, конечно, ну, это нереально» (родитель 5).

Более того, сама система поощрений и признания выстраивается исключительно вокруг спортивных достижений. Один из тренеров описывает, насколько значимой была для него даже минимальная похвала в детстве: «Если тренер похвалил — это было за гранью чего-то нереального. Это было страшно ценно» (тренер, государственная спортивная школа).

В ответах респондентов проявляется важная моральная иерархия времени: свободное детское время описывается как «ерунда» или «чепуха», от которой спорт защищает.

Сразу видно детей, которые вот ничем не занимаются. Вот они на продленке там общаются, ну, вот у них много времени на себя. У них волосы там розовые, фиолетовые, голубые. У них есть время, там, уши какие-то себе прилепляют, как у эльфов... (родитель 6).

В этой оптике интенсивная спортивная занятость становится не просто альтернативой гаджетам или «улице», а морально предпочтительной формой детского труда — структурированной, контролируемой, ориентированной на результат и поддерживаемой взрослыми. При этом различие между «игрой» и «работой» закрепляется уже в раннем возрасте, что позволяет осуществить перевод детской телесности в режим производительной нагрузки, которая воспринимается как нормальная и необходимая для будущего успеха: «Это [занятия гимнастикой] труд. Игра — это для детей. Игра — это вот дети от 3 до 5–6 лет» (тренер, частный спортивный клуб).

И тренеры, и родители едины во мнении, что ребенок-спортсмен — «особый» ребенок, имеющий превосходство над детьми, не занимающимся спортом серьезно:

...[ребенок-спортсмен] — это трудолюбивый и дисциплинированный человек (тренер 6, частный спортивный клуб).

Это не обычный ребенок, они другие. Они более осознанные, более собранные, концентрированные (тренер, государственная спортивная школа).

...ребенок-спортсмен — это, ребенок, по сути, уже такой взрослый человек отчасти, у которого много ответственности (тренер, государственная спортивная школа).

Одна из респонденток вспоминает школьный опыт так: «Я чувствовала себя как самая худенькая, самая, наверное, красивая в классе. Это подтверждали все окружающие» (тренер, государственная спортивная школа).

Мать спортсменки говорит о «силе духа» девочек 12–13 лет, которой она сама поражается: «Они очень, во-первых, целеустремленные, собранные, очень сильные. Я даже поражаюсь иногда, думаю, господа, ей лет-то 12, а в ней столько силы» (родитель 4).

Одновременно с риторикой трудолюбия в интервью регулярно звучит мотив, что спорт «дополняет» детство, а не отменяет его, но речь идет прежде всего о специфических формах социализации в группе («лучшие подружки не в школе, а на гимнастике», совместные походы в кино, лагерь и сборы), которые встроены в тот же самый рабоче-тренировочный режим.

Важная часть этой «особости» — эстетический и символический капитал, который производит художественная гимнастика. Интервью с родителями и воспоминания тренеров о том, как они влюбились в гимнастику, демонстрируют, насколько сильно гимнастика воспринимается как «красивый» вид спорта с театрализованным компонентом:

Конкретно, если говорить про вот этот вид спорта, во-первых, это красиво... у тебя свой образ, у тебя свой костюм, мы рисуем эскизы, подбираем образ... это какая-то такая, наверное, даже немножко театральная игра... у тебя всё время новый образ, разная музыка, изменяются программы. Это интересно (родитель 2).

Подобная эстетизация труда ребенка частично маскирует его «рабочую» сторону (в терминах Доннели): за зрелищностью выступлений и «красивыми купальниками» скрывается однообразие ежедневных тренировок, повторяемость элементов и длительные часы работы в зале. Именно родители активно участвуют в производстве этого эстетизированного продукта — выбирают школу «по отзывам» и инфраструктуре («высокие потолки», «чистые ковры»), оплачивают костюмы, сборы, индивидуальные занятия, договариваются с «сильными» тренерами

о дополнительных тренировках, включая онлайн-форматы, если тренер переехала в другую страну.

Примечательно, что на вопрос, кто делает из ребенка спортсмена, респонденты отвечают по-разному. Тренеры, как правило, подчеркивают свою ведущую роль:

Тренер поставил цель, тренер тебя заявил на эти соревнования. И поэтому это уже совместная работа тренера и ребёнка. А родители — это помощник ребёнка, он приводит его, забирает, купальники покупает, предметы покупает и всё остальное (тренер, частный спортивный клуб).

Родители же нередко описывают себя как стратегических акторов, способных управлять траекторией и «усиливать» ребенка через выбор и смену тренеров. Одна из матерей рассказывает:

У меня, как у родителя, возникли мысли, что я вижу, что она может получше, но не хватает, наверное, опыта у тренера. И у нас сложилось тогда, что наша ушла, и нас перевели к кому мы хотели. Таким путём мы продвинулись по своей карьере. Потом ушла сильная тренер, уехала в другую страну, и мы сейчас организуем онлайн-тренировки... понимать как родителю нужно от каждого тренера что-то брать, то, что усилит твоего ребенка (родитель 7).

В целом анализ интервью показывает, что понимание спорта как труда поощряется (но не всегда признается) и тренерами, и родителями и приводит к восприятию ребенка-спортсмена как ребенка с особым статусом, обладающим преимуществом по отношению к детям, не занимающимся спортом.

Результаты и выводы

Ответы респондентов свидетельствуют о том, что переход от «ребенка, которому нравится заниматься» к «ребенку-спортсмену» — это не линейный индивидуальный процесс, а результат взаимодействия тренеров и родителей, где каждому из акторов отведены особые роли. В логике детского спорта и родители, и тренеры выступают ключевыми акторами, которые задают рамки того, что именно считается «нормальной» детской занятостью и чем отличается ребенок-спортсмен от «обычного» ребенка.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что тренеры, родители и дети взаимодействуют в единой экосистеме сложной конфигурации. Родители поощряют серьезный характер занятий и привлекают

ресурсы, тренеры задают режим труда и формируют при поддержке родителей образ «нормального» ребенка-спортсмена, а дети осваивают эту норму как собственную идентичность. Детская агентность здесь проявляется как процессуальная и контекстуально ограниченная: ребенок делает выбор внутри уже заданного взрослыми поля — поля «красивого труда», высокой нагрузки, символического капитала и перспективы будущей спортивной карьеры. В терминах либеральной и срединной традиций исследований детской агентности спорт здесь выступает одновременно и как поле удовольствия и самовыражения, и как ресурс будущей мобильности.

Самооценка и ощущение собственной значимости оказываются почти полностью привязанными к фигуре тренера и к результату. Именно таким образом выстраивается логика «одномерной» идентичности, которую описывает Коаклей: значимыми оказываются прежде всего спортивные достижения и связанные с ними практики, а все остальные сферы (школа, свободное время, разнообразные хобби) подстраиваются под спорт. Это соответствует наблюдениям Коаклея и выводам Каваллерио о том, что одномерная идентичность усиливает уязвимость детей к выгоранию, особенно в подростковом возрасте, когда тело меняется, конкуренция возрастает, а результаты становятся нестабильными.

Исследование процесса конструирования образа ребенка-спортсмена выявляет очевидный парадокс: массовое признание права ребенка на свободу, игру и «детскость» сочетается с одновременным ростом трудовой социализации детей через профессиональный спорт. Формирование ребенка-спортсмена как мотивированного и дисциплинированного «труженика» представляет собой целенаправленный социальный процесс, регулируемый взрослыми агентами, прежде всего родителями и тренерами, посредством системы специфических требований, норм и ценностей, ориентированных на достижение спортивного результата.

Если мотивация тренеров в данном процессе интуитивно понятна, так как спортивный результат прямо говорит об их профессионализме, то мотивацию родителей не представляется возможным интерпретировать однозначно. Исследование показало, что даже в семьях с высоким социально-экономическим статусом, где ребенку могут относительно легко обеспечить и беззаботное детство, и обеспеченную взрослую жизнь, родители выступают в роли актора, разрушающего конвенциональное представление о детстве, и стимулируют ребенка на изнурительные занятия спортом. Занятия гимнастикой со стороны родителей

можно рассматривать как практику, способствующую формированию стратегической агентности детей, где тяжелый изнуряющий труд является частью стратегии, готовящей ребенка ко взрослой жизни. Однако данная интерпретация входит в противоречие с широко распространенной практикой, когда дети вынужденно бросают занятия гимнастикой вследствие тяжелых физических травм и психологического выгорания. Наши респонденты-тренеры в интервью утверждали, что родителям с самых первых лет занятий ребенка объясняется, что гимнастика в России — это гиперконкурентная среда, где достижение спортивного успеха является сверхзадачей, а сама гимнастика — крайне травмоопасный вид спорта. Однако, как уже отмечалось, родители очень часто видят причины неудовлетворительного спортивного результата в недостаточных усилиях, прикладываемых для его достижения. И, по словам тренеров, призывают и к увеличению нагрузки, и к повышению уровня дисциплины.

Вместе с тем в основе интерпретации данного процесса лежит конструирование особой идентичности, наделяющей ребенка-спортсмена привилегированным статусом. Этот статус, в свою очередь, позволяет родителям повысить свой символический капитал и социальный статус, создавая нарратив о собственной роли как успешных организаторов спортивной карьеры. В семьях с высоким социально-экономическим статусом, где обеспеченность ребенка всем необходимым воспринимается как само собой разумеющееся, спортивные успехи ребенка могут демонстрироваться как еще один аспект успеха, который нельзя просто приобрести за деньги или благодаря связям.

Как следствие легитимируется трансформация спортивных занятий в социально одобряемую форму детского труда. Сконструированный образ ребенка-спортсмена не вписывается в конвенциональные представления о детстве как периоде свободы, спонтанности и беззаботности, формируя, по сути, альтернативный режим детства. В рамках этого режима жесткая дисциплина, принуждение к систематическому труду и подчинение внешним целям становятся нормативными и воспринимаются как естественные.

Тем самым исследование ставит под сомнение универсальность доминирующих представлений о детстве и демонстрирует, каким образом под воздействием конкретных социальных институтов формируются различные институционально легитимные, но радикально отличающиеся версии детства. В этом контексте на первый план выходит необходимость сохранения и усиления позитивных аспектов спорта, таких как empowerment (наделение субъектной силой), физическое развитие и укрепление

здоровья, в противовес рискам травматизации, формирования одномерной идентичности и тотальной зависимости ребенка от амбиций, ожиданий и властных стратегий значимых взрослых.

В результате становится очевидным, что для максимизации позитивного воздействия спорта на детей взрослым, вовлеченным в построение спортивной карьеры ребенка, необходимо в первую очередь ориентироваться на его собственную мотивацию, потребности и субъективный опыт, а не исключительно на достижение внешне заданных результатов.

Литература / References

Асмолов А.Г. (2012) Детство ради детства. *Образовательная политика*, 4(60): 2–4.

Asmolov A.G. (2012) Childhood for the sake of childhood. *Obrazovatel'naya politika* [Educational Policy], 4(60): 2–4 (in Russian).

Бесчасная А.А. (2025) Детский труд: междисциплинарный дискурс и практика. *Журнал исследований социальной политики*, 23(1): 99–116.

Beschasnaya A.A. (2025) Child labor: interdisciplinary discourse and practice. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 23(1): 99–116 (in Russian).

Винер-Усманова И.А., Крючек Е.С., Медведева Е.Н. (2017) *Художественная гимнастика: история, состояние и перспективы развития*. М.: Человек.

Viner-Usmanova I.A., Kryuchek E.S., Medvedeva E.N. (2017) *Rhythmic gymnastics: history, current state, and development prospects*. Moscow: Chelovek (in Russian).

Гошин М.Е., Сорокин П.С., Григорьев Д.С. (2024) Основные факторы агентности школьников: эмпирический анализ. *Социологические исследования*, 3: 106–121.

Goshin M.E., Sorokin P.S., Grigoryev D.S. (2024) Key factors of schoolchildren's agency: an empirical analysis. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 3: 106–121 (in Russian).

Кабанов А.В. (2021) Социальный конструктивизм: сущность, истоки, версии конструктивистского подхода к знанию. *Социум и власть*, 2(88): 7–17.

Kabanov A.V. (2021) Social constructivism: essence, origins, and versions of the constructivist approach to knowledge. *Sotsium i vlast* [Society and Power], 2(88): 7–17 (in Russian).

Квита Г.Н., Ваньков С.П., Сваровская Е.Б. (2017) Социальный конструктивизм Дж. Джерджена. *Символ науки*, 3(3): 217–219.

Kvita G.N., Vankov S.P., Svarovskaya E.B. (2017) Social constructivism of J. Gergen. *Simvol nauki* [Symbol of Science], 3(3): 217–219 (in Russian).

Осминкин В. и др. (2025) Детский спорт и проблема свободы в нем как социокультурный фактор развития современного общества. *Общество: философия, история, культура*, 6: 99–104.

Osminkin V. et al. (2025) Children's sport and the problem of freedom in it as a sociocultural factor in the development of modern society. *Obshchestvo: filozofiya, istoriya, kultura* [Society: Philosophy, History, Culture], 6: 99–104 (in Russian).

Петрова Н.В., Свердлова А.В. (2017) Социальный конструктивизм как теоретическая основа технологии обучения созданию электронных курсов по иностранному языку. *Мир науки. Педагогика и психология*, 5(3): 1–16.

Petrova N.V., Sverdlova A.V. (2017) Social constructivism as a theoretical basis for the technology of teaching the development of electronic courses in a foreign language. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology], 5(3): 1–16 (in Russian).

Подвойский Д.Г., Наумова Н.П. (2014) Детство как социально конструируемый феномен. *Вестник РУДН. Серия: Социология*, 2: 43–60.

Podvoiskii D.G., Naumova N.P. (2014) Childhood as a socially constructed phenomenon. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 2: 43–60 (in Russian).

Улановский А.М. (2009) Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация. *Вопросы психологии*, 2: 35–45.

Ulanovskii A.M. (2009) Constructivism, radical constructivism, and social constructionism: the world as interpretation. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology], 2: 35–45 (in Russian).

Филатова В.В. (2022) Украденное детство: проблема вербовки детей для участия в вооружённых конфликтах. *Международно-правовые аспекты семейного права и защиты прав детей: международное публичное и международное частное право*: 185–192.

Filatova V.V. (2022) Stolen childhood: the problem of recruiting children for participation in armed conflicts. *Mezhdunarodno-pravovye aspekty semeinogo prava i zashchity prav detei: mezhdunarodnoe publichnoe i mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [International Legal Aspects of Family Law and the Protection of Children's Rights: Public and Private International Law]: 185–192 (in Russian).

Хайтов А.Э. (2024) Роль педагогического образования в области спорта. *Экономика и социум*, 10(125): 887–892.

Khaitov A.E. (2024) The role of pedagogical education in the field of sport. *Ekonomika i sotsium* [Economy and Society], 10(125): 887–892 (in Russian).

Abebe T. (2019) Reconceptualising children's agency as continuum and interdependence. *Social Sciences*, 8(3): 1–16.

Aine A., Muhonen J., Toivonen V. (2022) Children's right to play sports in a safe and healthy environment. *The International Sports Law Journal*, 22(2): 93–104.

Amineh R.J., Asl H.D. (2015) Review of constructivism and social constructivism. *Journal of Social Sciences, Literature and Languages*, 1(1): 9–16.

Anker R. (2000) The Economics of Child Labour; A Framework for Measurement. *International Labour Review*, 139(3): 257–280.

Azzarito L., Ennis C.D. (2003) A Sense of Connection: Toward Social Constructivist Physical Education. *Sport, Education and Society*, 8(2): 179–197.

Brady F. (2004) Children's Organized Sports: A Developmental Perspective. *Journal of Physical Education, Recreation & Dance*, 75(2): 35–41.

Bruner J.S. (1974) The Organisation of Early Skilled Action. In: Richards M.P.M. (ed.) *The Integration of a Child into a Social World*. Cambridge: Cambridge University Press: 167–184.

Cavallerio F., Wadey R., Wagstaff C.R.D. (2017) Adjusting to Retirement from Sport: Narratives of Former Competitive Rhythmic Gymnasts. *Qualitative Research in Sport, Exercise and Health*, 9(5): 533–545.

Coakley J. (1992) Burnout among Adolescent Athletes: A Personal Failure or Social Problem? *Sociology of Sport Journal*, 9(3): 271–285.

Coakley J. (2015) Assessing the Sociology of Sport: On Cultural Sensibilities and the Great Sport Myth. *International Review for the Sociology of Sport*, 50(4–5): 402–406.

Damis-Paraboschi F., Lafont L., Menaut A. (2005) A social-constructivist approach in physical education: Influence of dyadic interactions on tactical choices in an instructional team sport setting. *European Journal of Psychology of Education*, 20: 171–184.

Davis E.A., Knoester C. (2024) US Public Opinion about the Personal Development and Social Capital Benefits of Sport: Analyzing Components of the Great Sport Myth. *Journal of Sport and Social Issues*, 48(5): 340–365.

Donnelly P. (1997) Child labour, sport labour: Applying Child Labour Laws to Sport. *International Review for the Sociology of Sport*, 32(4): 389–406.

Dorsch T.E., Smith A.L., McDonough M.H. (2015) Early socialization of parents through organized youth sport. *Sport, Exercise, and Performance Psychology*, 4(1): 3–18.

Douda H.T., Toubekis A.G., Avloniti A.A., Tokmakidis S.P. (2008) Physiological and Anthropometric Determinants of Rhythmic Gymnastics Performance. *International Journal of Sports Physiology and Performance*, 3(1): 41–54.

Dowling F. (2024) Children's rights discourses in sport: serving the rights of children and/or upholding the values of sport? *Sport, Education and Society*: 1–15. <https://doi.org/10.1080/13573322.2024.2434052>

Esser F., Baader M. et al. (2016) Reconceptualising agency and childhood: An introduction. In: Esser F., Baader M.S., Betz T., Hungerland B. (eds.) *Reconceptualising agency and childhood*. Routledge: 1–16.

Flaherty M., Sagas M. (2021) Shifting the Paradigm: A Constructivist Analysis of Agency and Structure in Sustained Youth Sport Participation. *Frontiers in Psychology*: 1–12.

Georgopoulos N., Markou K., Theodoropoulou A., Paraskevopoulou P., Varaki L., Kazantzi Z., Leglise M., Vagenakis A.G. (1999) Growth and Pubertal Develop-

ment in Elite Female Rhythmic Gymnasts. *The Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism*, 84(12): 4525–4530.

Grix J., Carmichael F. (2012) Why Do Governments Invest in Elite Sport? A Polemic. *International Journal of Sport Policy and Politics*, 4(1): 73–90.

Grootaert C., Kanbur S.M.R. (1995) Child Labour: an economic perspective. *International Labour Review*, 134(2): 187–203.

Haring U., Sorin R., Caltabiano N. J. (2019) Reflecting on childhood and child agency in history. *Palgrave Communications*, 5(1): 1–9.

Jaakkola T., Ntoumanis N., Liukkonen J. (2016) Motivational climate, goal orientation, perceived sport ability, and enjoyment within Finnish junior ice hockey players. *Scandinavian Journal of Medicine & Science in Sports*, 26(1): 109–115.

Kehily M. (2009) *Understanding Childhood: An Introduction to Some Key Themes and Issues*. Maidenhead; New York: Open University Press.

Kioumourtzoglou E., Derri V., Mertzaniidou O., Tzetzis G. (1997) Experience with Perceptual and Motor Skills in Rhythmic Gymnastics. *Perceptual and Motor Skills*, 84(3_suppl): 1363–1372.

Koekoek J., Knoppers A. (2013) The role of perceptions of friendships and peers in learning skills in physical education. *Physical Education and Sport Pedagogy*, 20(3): 231–249.

Light R. (2011) Opening up learning theory to social theory in research on sport and physical education through a focus on practice. *Physical Education and Sport Pedagogy*, 16(4): 369–382.

Light R., Dixon M.A. (2007) Contemporary developments in sport pedagogy and their implications for sport management education. *Sport Management Review*, 10(2): 159–175.

Miletić Đ., Katić R., Maleš B. (2004) Some Anthropologic Factors of Performance in Rhythmic Gymnastics Novices. *Collegium Antropologicum*, 28(2): 727–737.

Postman N. (1982) *The disappearance of childhood*. Vintage Books

Smoll F.L. (2001) Coach-parent relationships in youth sports: Increasing harmony and minimizing hassle. In Williams J.M. (ed.) *Applied sports psychology: Personal growth to peak performance*. Mountain View, CA: Mayfield: 150–161.

Suransky V.P. (1982) *The erosion of childhood*. Chicago: University of Chicago Press.

Vygotsky L.S. (1978) *Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Wyness M. (2018) *Childhood, culture and society*. Sage Publications.

Источники

Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 1989 г.). Ч. 1. Ст. 32 [<https://base.garant.ru/2540422/b3975f01ce8b0eb0c9b11526d9b4c7bf/>] (дата обращения: 4.02.2026).

Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025) [https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/e2db886cc5b869bc0dbffa329e692c813b04e75d] (дата обращения: 4.02.2026).

Художественная гимнастика в цифрах. Статистика и аналитика развития спорта в России [<https://msrinfo.ru/sports/126>] (дата обращения: 4.02.2026).

Edmonds E.V. (2009) Defining child labour: A review of the definitions of child labour in policy research. International Labour Office (IPEC). Geneva: ILO. [https://efaidnbmnnnibpajpcglclefindmkaj/https://www.ilo.org/sites/default/files/2025-05/Defining_Child_Labour_En.pdf] (дата обращения: 4.02.2026).

CONSTRUCTING CHILDHOOD THROUGH SPORT: THE IMAGE OF THE CHILD-ATHLETE IN RHYTHMIC GYMNASTICS

*Ekaterina Potapova*¹ (katepotapova@gmail.com),
*Vitaliy Gorokhov*² (gorokhov-va@ranepa.ru)

¹ European University in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

² Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA), St. Petersburg, Russia

Citation: Potapova E., Gorokhov V. (2026) Constructing childhood through sport: the image of the child-athlete in rhythmic gymnastics. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 29(1): 177–208 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2026.29.1.7> EDN: BHMMEB

Abstract. This article examines the redefinition of childhood as a social construct within the context of early professional sport, focusing on the case of rhythmic gymnastics in contemporary Russia. Drawing on a social constructivist theoretical framework, the authors analyze how childhood is transformed from a protected domain of play and leisure into a goal-oriented form of labor aimed at achieving high athletic performance. The empirical data consist of semi-structured interviews with coaches and parents of girls aged 6 to 12, whose daily lives are deeply embedded in intensive training regimes. The analysis demonstrates that routine practices in rhythmic gymnastics—such as extremely early specialization, prolonged “working days”, routinization, and subordination—correspond to key criteria of child labor, thus positioning sport as a socially legitimate form of it. The study further reveals a complex configuration of “power plays” among adult stakeholders: parents act as initiators and investors, framing their child’s athletic career as a “business project” and a vehicle for accumulating symbolic capital, while coaches enforce a rigid disciplinary regime and a work ethic centered on endurance and perseverance. The combined effect of these adult-driven efforts is the construction of a distinct image of the “child-athlete” — a disciplined, “adult-like” laborer whose

one-dimensional identity becomes inextricably tied to sporting achievement. This image grants the child a privileged status in comparison with non-athlete peers and legitimizes the exclusion of elements traditionally associated with “natural” childhood. The article contributes to the sociology of childhood and sociology sport by illustrating how the institutional environment of sport produces an alternative regime of childhood that fundamentally contradicts humanistic ideals of childhood freedom and spontaneity.

Keywords: social construction, childhood, rhythmic gymnastics, youth sport, child labour, social constructivism, child agency.